

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Кимитака МАЦУЗАТО,
доктор юридических наук,
профессор Центра
славянских исследований
Университета Хоккайдо (г. Саппоро)*

Настоящий сборник включает часть результатов международного сотрудничества японских и украинских историков, осуществленного в рамках исследовательского проекта «Новое время и нации в Восточной Европе и Центральной Евразии» (апрель 2000 г. – март 2004 г.) и программы СОЕ (Center of Excellence) XXI в. «Создание дисциплины славяно-евразийских исследований: Мезорегионы и глобализация», финансируемых Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии. Если в предыдущих книгах, составляющих эту серию и посвященных этнополитической истории Волго-Уральского региона России¹, приняли участие авторитеты исторических школ региона, то авторами этого сборника стали представители молодого поколения украинских историков.

Авторы настоящего сборника поставили целью построить мост между этнической и социально-экономической историей. Подъем конструктивизма в западной исторической науке усилил интерес к этни-

¹ Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: Сб. документов / Под ред. К.Мацузато. Саппоро, 2002 (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/rovolgie/contents.html>); Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сб. статей / Под ред. К.Мацузато. Саппоро, 2003 (http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/volga_ural/contents.html).

ческой истории. Однако догматизм и методологическая узость конструктивизма не могли не ограничить тематику исследований. Специалисты по этнической истории исследуют в основном историю этнонимов, пространственное восприятие, языковые, конфессиональные и другие проблемы, которые находятся в русле конструктивистского и семиотического подходов. Отнюдь не отрицая значение этих тем, отметим, что конструктивизм не преодолел, а, наоборот, расширил традиционную пропасть между этнической и социально-экономической историей. Правда, исследования по аграрной истории западных губерний Российской империи избежали упомянутого историографического дуализма, но в них наблюдается достаточно упрощенный подход к сочетанию этнического и социального факторов в истории¹.

Эта историографическая ситуация тем более неудовлетворительна, если учесть, что в Российской империи в XIX в. понятия «народ», «племя» и «нация» часто включали социальные компоненты. Например, «поляки» и «евреи» в Западных губерниях, а также своего рода этноним «остзейцы», чаще ассоциировались с социальной функцией, чем с языком или конфессией. Именно поэтому народы подразделялись на элитные («исторические»), такие как поляки, прибалтийские немцы и татары, и крестьянские («неисторические») – украинцы, беларусы, латыши, эстонцы, чуваша, марийцы и удмурты². «Заслугой» В.Ленина и его последователей явилось то, что этнонимы превратились в чисто этнографические и лингвистические понятия.

Руководствуясь изложенным, что мы могли раскрыть? Те исторические события, которые традиционно рассматривались в контексте национальных вопросов (в частности, царской политики деполонизации), например, дробление польских магнатов, деклассация мелкой шляхты, деятельность мировых посредников на правобережной Украине, оказались намного более сложным и комплексным процессом, имеющим социально-экономическую причину (что касается распада магнатов и мелкой шляхты, то для этого имелась и генеалогическая –

¹ См., например: Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863-1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ, 1998.

² Нельзя считать, что термин «неисторический народ» всегда имеет уничижительный оттенок. Иван Рудницкий отмечал, что атрибуты «неисторических» народов иногда более выгодны для их нациестроительства, нежели атрибуты «исторических» народов. См.: Rudnytsky I. Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987. P. 43-46.

семейная причина). Т.Мацумура доказывает, что расслоение крестьян-крепостных на правобережной Украине накануне Великой реформы не являлось результатом классово-национального гнета польских землевладельцев, а скорее было вызвано техническим прогрессом (например, распространением железных плугов). Как это ни странно на первый взгляд, инвентарная реформа, которая, согласно намерению ее инициаторов, должна была защитить средний слой украинских крестьян, ускорила этот процесс. Н.Хасимото отмечает, что С.С.Уваров, которого историография считала основателем философии обрусения, находился в тупике – между необходимостью модернизации народного образования империи (единственно возможной моделью которого была польская система учебных округов) и политическим вызовом поляков¹. В.Надольская анализирует хозяйственную деятельность немецких и чешских колонистов с точки зрения их культурного взаимодействия с местным населением. Этот подход примечателен в связи с исследованием международного распространения технологии.

Почти все постсоциалистические государства, в том числе Украина, конституционно определяют себя многонациональными. Однако реализовать эту идею оказалось намного сложнее, чем ее продекларировать. Школьные учебники в Украине едва ли не отождествляют историю Украины с историей украинцев². К сожалению, даже в вузовском преподавании ситуация значительно не улучшается. Авторы искренне надеются, что настоящий сборник послужит толчком к реконструкции истории Украины, которая была, есть и будет только многонациональной, по европейскому образцу.

¹ Л.М.Дурдыева отмечает, что пресловутая триада С.С.Уварова (самодержавие, православие и народность) была задумана с намерением подчеркнуть «особый путь» России и тем самым предотвратить распространение на нее Европейской революции 1830 г. (Дурдыева Л.М. С.С.Уваров и теория официальной народности: дис... канд. ист. наук. Москва, 1996). Если так, то получается, что эта триада не имела никакого отношения к интеграционной политике империи.

² Popson N. The Ukrainian History Textbook: Introducing Children to the «Ukrainian Nation» // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. № 2. P. 325-350.